

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И НОМИНАЦИИ

И. С. Балабанович (Минск)

ИНТЕРТЕКСТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Р. БОРОДУЛИНА И А. КУШНЕРА: ОБРАЗОВАНИЕ ПАРАТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

А. Кушнер и Р. Бородулин – яркие представители русской и белорусской литературы второй половины XX – начала XXI в. Они оба ориентированы на интеграцию собственного творчества в контекст культуры предшествующего периода. Обоих можно отнести к «классическому» направлению в работе с претекстами [1], ориентированному на продуктивный диалог поэтического текста с предшествующими, не предполагающий тенденций к деконструкции претекста.

Обратимся к функционированию в стихотворениях этих авторов интертекстом [2, с. 11], участвующих в формировании паратекстуальных связей. Паратекстуальность будем понимать традиционно, как отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию [3].

Своеобразной «визитной карточкой» Р. Бородулина можно считать «обыгрывание» названий сборников и отдельных произведений предшественников и современников: *Рабочая / Крутая тэма / Сама ідзе на Мысліўца. / Браў нораў / Ад «Гарачай сталі», / Сталеў / з «Рабочымі людзьмі»* [4, с. 174] (здесь и далее выделено нами. – И. Б.); *Зноў уступыла Муза рана. / Ліст чысты ные, / Як «Мембрана»* (из стихотворения «Ну, землякі!», имеющего подзаголовок «Прызнанне **Казіміра Камейшы**») [4, с. 175]; *Захмарнай Музы кавалер, / Пясняр твой, / Авіяцыя, / Прабіў я / «Гукавы бар'ер»* (из стихотворения «Адданы кавалер» с подзаголовком «**Уладзімір Скарынін**») [4, с. 176]. Цитаты-заглавия при этом не предполагают знания читателем претекстов, они включены в синтаксическую структуру нового произведения органично, и, если бы не было кавычек и прописных букв, выделенные в примерах словосочетания могли бы быть истолкованы как просто реминисценции, отсылающие к биографиям писателей.

Такого рода отсылки могут быть и аллюзивны, не столь прозрачны, при этом не ставятся кавычки, не употребляются прописные

буквы: *Я пераводжу / З тома ў том / Усіх апосталаў з Хрыстом* [5, с. 94] – намек на роман В. Короткевича «Хрыстос прыямліўся ў Гародні»; *Даносіць ветру зморанага ўзвеў / Пустэльні жаль, / Заручанай з анчарам; Ці гэта зелянееца сасна, / Дачка гаванскіх сосен, і яна, / Як там, дзе сівярэ сінізна, / Нагадае дзівоснае імгненне* [5, с. 202] в триптихе «Пушкін» – отсылки к стихотворениям «Анчар», «На севере диком стоит одиноко...», «К***» («Я помню чудное мгновенье...»). Такие немаркированные цитаты-заглавия могут играть текстообразующую роль. Например, в одной из своих эпиграмм Р. Бородулин припоминает, как много у И. Науменко названий произведений, связанных с деревьями: *Не ўпершыню / ў саліднай прозе / Шумелі сосны пры дарозе, / Гулі дубы, / Цвілі таполі...* [6, с. 95–96] – обыгрываются названия романов «Сасна пры дарозе», «Вецер у соснах», «Тাপолі юнацтва».

Интертекстуальными могут быть и названия некоторых стихотворений Р. Бородулина. Например, название «Каложа» [5, с. 89–90] в совокупности с посвящением Д. Бичель-Загнетовой отсылает к одноименному стихотворению поэтессы. Название «Дзіўнае імгненне» [7, с. 90] отсылает, с одной стороны, к пушкинскому «Я помню чудное мгновенье...», с другой стороны – к «Фаусту» И. В. Гете (*Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!*). При этом оба варианта интерпретации имеют право на существование: стихотворение завершает цикл произведений о путешествии за границу, это путешествие характеризуется благодаря заглавию как «дзіўнае імгненне», и лирический герой может хотеть его остановить, равно как и обращаться к нему в воспоминаниях.

На игре созвучий, связанной с игрой смыслов, основывается название одного из разделов сборника Р. Бородулина «Прынамсі», которое явно восходит к роману Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен», – «На літаратурным фронце без мельпамен». Здесь синтаксическая структура претекста-названия сохранена, заменены только два слова, но и они сохраняют исходные грамматические характеристики.

Эпиграфы Р. Бородулин использует несколько чаще, чем А. Кушнер. Иногда различные типы паратекстуальных связей актуализируются у него одновременно. Например, стихотворению Р. Бородулина «Спадчына» [8, с. 20–23] предшествует эпиграф из одноименного стихотворения Я. Купалы. Здесь видим, с одной стороны, интертекстуальность на уровне использования эпиграфа, с другой стороны, интертекстуально само название.

Если у А. Кушнера всегда понятно, из какого текста взят эпитаф, то у Р. Бородулина определить это бывает достаточно сложно. Например, стихотворению «Вогнепаклонніца» [8, с. 4–5] предписан эпитаф с подписью «З радкоў памяці». Что это за «строки памяти»? Это текст чьего-то авторства? Это фрагмент одного из ранее написанных бородулинских текстов? Возможно, это текст, который был написан одновременно с остальным стихотворением и лишь формально выполняет функции интертекстуальной отсылки? Еще сложнее определить источник эпитафа, если он не называется вообще, как, например, в стихотворении «Пра бронзу» [5, с. 30–31].

Также бывает сложно определить источник эпитафа, если он слишком краток. Так, в качестве эпитафа к стихотворению «Яно ўсяго й было...» [8, с. 58] взято лишь одно нераспространенное простое предложение с указанием, что это из народной песни (*...крыніца стаяла*). Скорее всего, песня «Туман ярам» могла послужить источником эпитафа (в ней есть слова *Пад тым дубам крыніца стаяла*). Однако утверждать этого мы не можем.

В большинстве случаев у Р. Бородулина смыслы, остающиеся «за» эпитафом, не включенные в оригинальный новый текст, но имплицитно присутствующие в нем благодаря эпитафу, все же открывают возможность для более полной интерпретации. Например, в стихотворении «Жыцццялюбамі землякі былі...» [8, с. 116] в качестве эпитафа взята строчка из стихотворения Б. Корнилова «Качка на Каспийском море», положенного на музыку: *...и качает меня работа...* У Б. Корнилова работа качает «лучше спирта и лучше войны». Образы войны и алкоголя, стоящие «за» эпитафом, разворачиваются и у Р. Бородулина. При этом у Б. Корнилова комический эффект создается за счет того, что герой – моряк, работа его «качает» в прямом смысле слова. А вот лирического героя Р. Бородулина качает от утомления, уже без того легкого комизма, который наблюдается в претексте.

То же самое можно сказать и об А. Кушнере. В целом паратекстуальные связи в его лирике не так разнообразны, как у Р. Бородулина, удельный вес стихотворений с эпитафами у последнего значительно выше. При этом все эпитафы у А. Кушнера атрибутированы (атрибуция точная, в то время как Р. Бородулин иногда прибегает к расширенной атрибуции) и представляют собой фрагменты поэтических произведений. По функциям эпитафы различаются, но чаще всего они вступают в тесное взаимодействие с образно-смысловой структурой последующего текста. Например, в качестве эпитафа к стихотво-

рению «Да, надо бросить все, поехать в Нарву, что ли...» [9, с. 25] взята финальная строка оды «Бог» Г. Р. Державина. Само же стихотворение метатекстуально, оно представляет собой подробный пересказ державинского комментария к оде, описывающего историю ее создания. Лирический герой А. Кушнера – обычный городской житель, он не знает «роковых перерождений, переломов, катастроф» [9, с. 12], живет спокойной, размеренной жизнью. Однако, как признается автор в стихотворении «Кто ты? Что ты? Кто ты? Что ты?..» [9, с. 12–13], экзистенциальные вопросы поиска своей идентичности, своего места и предназначения в жизни его тревожат. О них напоминает тиканье часов. Эпиграфом к стихотворению послужили строки из стихотворения И. Анненского «Тоска маятника»: *И лежу я, околдован...* Лирические герои А. Кушнера и И. Анненского оказываются в схожей ситуации, оставшись наедине с часами (только для первого более важен звуковой образ, а для второго – визуальный, маятник на стене), на что они реагируют схоже (например, А. Кушнер пишет, используя синтаксическую структуру эпиграфа: *И сижу я, зачарован...*). Однако в то время как герой И. Анненского засыпает под тиканье часов, как бы пассивно уходя от гнетущих вопросов, кушнеровский лирический герой предпочитает активное осознанное действие, убирая часы в другую комнату: *от тоски себя спасу* (аллюзия на претекст И. Анненского).

Упомянутое выше стихотворение Р. Бородулина «Жыццялюбамі землякі былі...» [8, с. 116] – пример того, как легко поэт сочетает в одном стихотворении русский и белорусский языки: эпиграф – на русском, подпись к эпиграфу и свое стихотворение – на белорусском. Так включаются, например, эпиграфы из произведений Е. Евтушенко, А. С. Пушкина. Кроме эпиграфов на русском, у Р. Бородулина нами был зафиксирован один случай включения в произведение эпиграфа на украинском языке: *Повій, вітру, з України* (к поэме «Праз чараты штыкоў» [7, с. 117–120]). Правда, источник эпиграфа обозначен как украинская народная песня. К сожалению, нам не удалось установить, существует ли на самом деле украинская песня с такими словами. Однако точно существует широко известная в Украине песня С. Руданского «Повій, вітре, на Вкраїну...». Если принять ее за претекст, то между бородулинской поэмой и песней С. Руданского можно обнаружить единство на уровне образной системы и хронотопа: и там, и там представлен герой, находящийся вдалеке от родины. Но для героя песни Украина важна из-за девушки, там оставленной, а для героя поэмы – сама по себе, потому что это родина. В обоих текстах связь ге-

роя с родиной осуществляется благодаря ветру. Только в песне он не активен, а у Р. Бородулина – активен, может помочь соединению (надуть корабельные паруса). Р. Бородулин пишет о героизме, воле, любви к Родине, а С. Руданский – просто о любви, без патриотической патетики.

Кстати, без перевода даются только русскоязычные и украинско-язычные эпиграфы. Например, строки молдавского поэта-песенника Г. Виеру Р. Бородулин переводит на белорусский язык [5, с. 178].

Прозаические эпиграфы – не редкость для Р. Бородулина (а вот у А. Кушнера нет ни одного такого эпиграфа). Например: «*Зямля – калыска розуму, але нельга вечна жыць у калысцы*». К. Э. Цыялкоўскі [10, с. 2]; *На карце ЗША звыш 400 рускіх, беларускіх і ўкраінскіх назваў гарадоў, рэк, паселішчаў. З даведніка* [10, с. 26]; *Слану ў цырку на час халадоў выдаецца літр гарэлкі. З успамінаў былога даглядчыка* [6, с. 19].

В целом можно говорить о том, что А. Кушнер чаще обращается к предшественникам, Р. Бородулин – к современникам. Р. Бородулин часто включает в свои произведения фольклорные тексты, что не характерно для А. Кушнера. При этом Р. Бородулину свойственно маркировать включение фрагментов фольклорных текстов в стихи.

1. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина; науч. ред. Е. А. Купина. – Екатеринбург, Омск: Изд-во Уральского ун-та; Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999.

2. Сидоренко, К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова / К. П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999.

3. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – 3-е изд. – М.: КомКнига, 2007.

4. Барадулін, Р. Прынамсі [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1977. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/prynamsi.pdf>. – Дата доступу: 23.08.2019.

5. Барадулін, Р. Самота паломніцтва [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1990. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/samota.pdf>. – Дата доступу: 19.08.2019.

6. Барадулін, Р. Журавінка [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1972. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/zhuravinka.pdf>. – Дата доступу: 11.08.2019.

7. Барадулін, Р. Неруш [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1966. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/nerush.pdf>. – Дата доступу: 21.08.2019.

8. Барадулін, Р. Вечалле [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1980. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/vechalle.pdf>. – Дата доступу: 19.08.2019.

9. Кушнер, А. С. Вечерний свет: Стихотворения / А. С. Кушнер. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013.

10. Барадулін, Р. Рунец, красаваць, налівацца! [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1961. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/runiec.pdf>. – Дата доступу: 15.08.2019.